

ЭПИТЕТАЦИЯ ТИШИНЫ И МОЛЧАНИЯ В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

Ключевые слова: эпитет, эпитетный комплекс, эпитетация, идиолект, Марина Цветаева

Keywords: epithet, epithet complex, epithetation, idiolect, Marina Tsvetaeva

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)2-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)2-04)

Введение
Исследование эпитетации претерпевает серьезную трансформацию: обращается внимание на когнитивные основы образования приращения значения в составе эпитета в контексте эпитетного комплекса, выявляются закономерности изменений семантической и синтаксической сочетаемости признаков слов и определяемых лексем [Арнольд, 2002; Гращенков, Лютикова, 2018]. Эпитет понимается не только и не столько как стилистическое средство образности, сколько как сложная единица идиолекта, имеющая различную вербализацию [Булахова, Скорородников, 2017, с. 140; Фадеева, 2014].

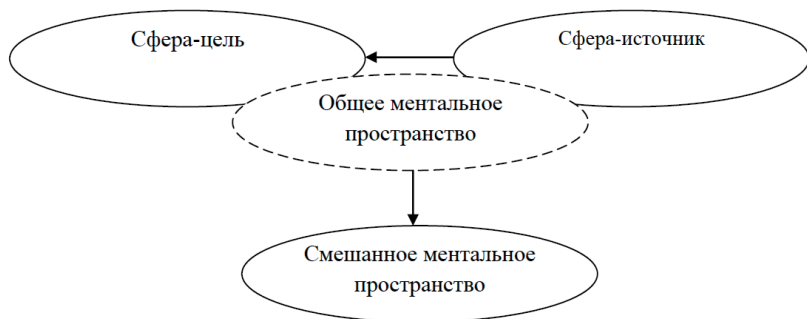
Когнитивная лингвопоэтика описывает специфику и механизмы образования эпитетных комплексов в рамках различных идиолектов с целью выявить принципы поэтического моделирования реальности художником слова, опираясь на такие базовые когнитивные понятия, как «качество», «атрибут», «предикация». Заявленная проблема эпитетации не сводится к изучению специфики трансформации семантики имени прилагательного как основного репрезентанта эпитета, но состоит в уяснении общих принципов и направлений атрибутизации как одного из основных когнитивных процессов. Семантическая податливость имени прилагательного отражает огромный потенциал атрибутивной лексики в целом: данное свойство именуется пластичностью, гибкостью, эластичностью [Виноградова, 2021].

Под эпитетным комплексом в настоящей работе понимается когнитивно-семантическое, ментально-вербальное единство признакового элемента (эпитета) и объекта эпитетации (определяемого слова). Эпитетация — процесс наделения объекта признаком, как правило, несвойственным ему или осознаваемым автором текста в качестве ново-

го, актуализирующего необходимую семантическую связь между объектами на основе общего для них атрибута.

По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, базовые языковые категории оценки факта и события структурируются прагматически, исходя из ситуативного варьирования смысла [Арутюнова, 1988]. Эпитетация как ситуативный оценочный когнитивный процесс имеет когнитивную природу, что связано со структурированием значения слова на основе выделения в его семантике основных признаков. Данная операция имеет динамический характер, который удачнее всего описывает теория концептуальной интеграции. Концептуальная теория интеграции (блендинга) позволяет взглянуть на эпитетацию с позиции ее сущностной природы. Под концептуальной интеграцией ученые понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определенной схеме на различных уровнях абстракции и имеет четкую структуру, которая включает в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces), или бленд (blend) [Fauconnier, 1994; Sweetser, 2000].

На рисунке схематично изображен процесс блендирования признаков в процессе эпитетации.

Структура модели когнитивной метафоры в соответствии с теорией блендинга

Данная модель применима как в целом для описания эпитетации с целью выявления направлений метафорического и метонимического переносов признаков, так и в контексте изучения лейтмотивных моделей эпитетации, имеющих идиолектную репрезентацию.

Атрибутивная лексика хотя и специально не описывалась лингвистами и цветововедами, однако упоминалась в контексте работы поэта

со смещенными определениями [Громова, 2010; Зубова, 1989; Ревзина, 1996; Ревзина 1998]. Эпитетация предстает в виде окказионального словотворчества, принципом которого является установка на поиск нужного смысла, осознаваемого в качестве единственно возможного [Ревзина, 1998]. Еще более ярко это проявляется в прозе М. Цветаевой: даже письма она тщательно редактировала, превращая жизнь в творчество. В прозаических текстах отчетливо прослеживается тяготение поэта к парадоксальному, окказиональному постижению стихии слова и бытия [Ляпон, 2010].

В настоящее время на материале текстов М. Цветаевой выявлены основные закономерности эпитетации, среди которых стоит отметить повышенную метонимизацию признака антропоморфного типа, окачествление некачественных атрибутов, языковую рефлексю над семантикой эпитета, антонимичность восприятия признака и др. [Грязнова, Губанов, 2023].

В прозаических текстах находим немало рассуждений поэта относительно выбора нужного слова и происходящих при этом языковых метаморфозах: *Повторить себя в словах невозможно; любая же, самая малая, перемена речи — и уже не повторение, а преобразование, за которым стоит другая суть* (Марина Цветаева. Собрание сочинений. Т. 5. 1994. С. 407)¹. Данная эстетическая установка на обновление языка, вера в его безграничные возможности приводит к тому, что тексты поэта насыщены различными лингвистическими экспериментами.

Методы и материалы исследования

Объектом настоящей работы является специфика эпитетации в текстах М. Цветаевой. Предмет исследования — направления и принципы эпитетации концепта «тишина / молчание» в текстах поэта. Целью работы является выявление специфики признакового осмысления указанного концепта и его роли в концептосфере М. Цветаевой, выявление когнитивных оснований эпитетации на основе теории концептуальной интеграции на материале текстов М. Цветаевой.

Материалом для описания способов актуализации признака послужили собрание сочинений М. Цветаевой в 7 томах, а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. Для проведения исследования были привлечены методы лексикографического, лексико-семантического, компонентного, когнитивного анализа, а также метод сплош-

¹ В данном разделе здесь и далее страницы указаны по изданию: Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.

ной выборки и метод статистического подсчета языковых фактов. Методом сплошной выборки было выявлено 108 эпитетных единиц, образующих эпитетные комплексы в сочетании с определяемыми словами *тишина* и *молчание*, а также эпитетные комплексы с эпитетами *тихий* (*тихо*, *тихонько*, *тихонечко*), *молчаливый*.

Результаты исследования

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что эпитетация как категориальный, когнитивный процесс наделения объекта существенным для него признаком носит ситуативный характер, строится на основе ассоциативной связи между ментальными пространствами атрибутивного слова и определяемого понятия; эпитетация характерна для творческого почерка М. Цветаевой и составляет его идиолектную черту.

Эпитетная репрезентация тишины / молчания в русском языковом сознании

Для описания признаковой вербализации тишины и молчания использовался словарь эпитетов русского литературного языка. В данном источнике *тишина* характеризуется с двух сторон:

1) «о степени тишины, о характере и сопутствующих признаках». Данный раздел раскрывает образное осмысление тишины в русском языке, основанное на: отсутствии какого-либо признака как показателе тишины (*беззвучная*, *безгрешная*, *безбрежная*), цвете (*белая*, *голубая*, *светлая*), признаке существования (*живая*, *мертвая*), чувственном восприятии (*влажная*, *сухая*; *упругая*, *тягучая*, *ватная*), ощущении степени полноты (*полная*, *пустая*), материальном ощущении (*свинцовая*, *стеклянная*), осознании как «вместилища» речи, где имеет место метафоризация (*немая*, *молчаливая*) (94 эпитета) [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 450];

2) «о впечатлении, психологическом восприятии». Данный тип эпитетов имеет метонимическую основу, что отражается в когнитивном осмыслении тишины в качестве субъекта и приписывании ему антропоморфных качеств. Это может быть эмоциональное состояние тишины (*грустная*, *тоскливая*), ее характер (*властная*, *подозрительная*, *робкая*, *строгая*, *суровая*), черты внешности (*мрачная*, *угрюмая*, *хмурая*) (83 эпитета) [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 451–452].

Молчание как отсутствие речи, разговора моделируется также по антропоморфной соматической логике: оно может быть *гордым*, *добрым*, *мрачным*, *строгим*, *суровым*, *хмурым* (64 эпитета) [Горбачевич, Хабло,

1979, с. 248]; молчание как отсутствие звуков, тишина (синоним *тишины* в этом значении) совмещает обе тенденции осмысления себя как субъекта и предмета (*холодное, мертвое, глубокое, суровое*) (27 эпитетов) [Горбачевич, Хабло, 1979, с. 249].

В Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) лидирующее положение среди определений тишины принадлежит следующим лексемам (по мере убывания частотности): *мертвый, гробовой, ночной, напряженный, матросский, могильный, глубокий, зловещий, полный, полнейший*, что отражает оценочный характер эпитетов, актуализацию ассоциаций с тишиной как признаком отсутствия жизни [НКРЯ]. В свою очередь, прилагательное *тихий* чаще характеризует такие понятия, как *океан, голос, погоду, вечер, шаг, радость, грусть* [Там же].

Лексема *молчание* описывается антропоморфными, субъективно-оценочными эпитетами, что связывается с данным понятием как с тем, кто способен порождать и воспринимать речь, т.е. с человеком: оно (по мере убывания частотности) *гробовое, неловкое, минутное, тягостное, долгое, продолжительное, глубокое, упорное, напряженное, недолгое* [НКРЯ].

Тишина как отсутствие звуков вообще и речи в частности воспринимается во многом как неотъемлемая составляющая восприятия и картины мира человека, в связи с чем вбирает в себя оценочные признаки, ассоциируемые с человеком, реципиентом тишины; молчание же более антропоморфно и избирательно относительно приписываемых ему признаков, что обусловлено его отнесенностью к концептуальной сфере человека, однако их объединяет оценочность, психологическая рефлексия их восприятия, что отражается в эпитетной лексике.

Эпитетная репрезентация тишины / молчания в текстах М. Цветаевой

Как известно, творчество М. Цветаевой не принадлежит определенному течению, однако символизм, понятый как тяготение к постоянному переозначиванию реалий, переосмыслению образов, неизменно присутствовал в ее поэтическом мышлении [Войтехович, 2019; Кучера, 2017]. Бытие, искусство оказывались выше быта и реальности: ...я поделила мир на поэта — и всех, и выбрала — поэта, в подзащитные выбрала поэта: защищать — поэта — от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались (Марина Цветаева. Собрание сочинений. Т. 5. С. 58). С.А. Шульц верно отмечает, что «Цветаева возносит слово над действительностью, над жизнью. ... Согласно Цветаевой, поэт направляет свою речь исходя из собственного понимания (видения), причем направляет именно „издалека“, т.е. начиная с необязательных вещей,

почти случайных. Значение этого „издалека“ — в контекстуальности, в фоновости, что подразумевает целостный охват поэтом мира, а также осознание себя представляющей за весь мир, за всю поэзию, за весь поэтический язык» [Шульц, 2023, с. 130].

Приведем данные об употребительности лексем *тишина*, *молчание* в поэтических текстах М. Цветаевой. В словаре поэтического языка слово *тишина* зафиксировано 19 раз; *тишь* имеет 16 употреблений (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. 1996–2004. Т. 4. Кн. 2. С. 192–193)². Отметим, что в работе также рассматривается эпитетация, включающая признак *тихий*, с целью показать объемность восприятия поэтом феномена тишины; учитывается разница в семантическом объеме *тишины* и признака *тихий* как отсутствия звука и слабого звука, при наличии значения *безмолвный*. Эпитет *тихий* имеет следующие значения: 1) слабо звучащий, негромкий, 16 словоупотреблений (Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 187); 2) погруженный в безмолвие, 11 словоупотреблений (Там же, с. 187); 3) спокойный, не оживленный, 8 словоупотреблений (Там же, с. 187–188); 4) смирный, спокойный, 10 словоупотреблений (Там же, с. 188); 5) смиренный, кроткий, 9 словоупотреблений (Там же, с. 188); 6) безмятежный, 12 словоупотреблений (Там же, с. 188); 7) слабый, легкий, 7 словоупотреблений (Там же, с. 188–189); 8) небольшой скорости, не быстрый, 3 словоупотребления (Там же, с. 189). Из вышеприведенных значений нами отбирались те, что связаны с характеристикой отсутствия звучания, хотя иногда данное значение совмещается с некоторыми другими. Также учитывались эпитеты адвербиально-го типа *тихо*, *тихонечко*, *тихонько*, *тише* (всего 34 словоупотребления в отношении эпитетации отсутствия звука) (Там же, с. 189–192).

Молчание в данном словаре представлено 17 словоупотреблениями; эпитет *молчаливый* употреблен 5 раз; наречие *молча* — 13; *молчаливо* — 1 (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. 1996–2004. Т. 3. Кн. 1. С. 159–160).

В прозе находим следующее замечание о понимании поэтом тишины: ... *тишина не отсутствие звуков, а отсутствие лишних звуков...* (Там же. Т. 4. С. 69), поэтому тишина приобретает амбивалентное философское значение как чистая тишина, сама по себе тишина.

Тишина воспринимается поэтом разнообразно, однако стоит отметить, что для нее молчание и тишина — проявление ветхозаветного, древнего мироздания, сущность бытия. Это находит выражение

² В данном разделе здесь и далее страницы указаны по изданию: Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.

в эпитетации тишины. Рассмотрим основные направления признакового осмысления тишины в текстах поэта.

1. Тишина как основа мира, бытие, сущее, поэтому она приобретает признак вечный, полный: *Ветхозаветная тишина*, // *Сирой полыни крестик* (Там же. Т. 2. С. 304); *В ти-ши-не* // *Полной, полной, полной* (Т. 3. С. 173); *А мне от куста — тишины*: // *Той, — между молчаньем и речью*. ... *Такой от куста тишины*, // *Полнее не выразишь: полной* (Т. 2. С. 318). Когнитивной основой эпитетации тишины как основы мира является ощущение общности тишины и времени (ветхозаветная), тишины и полноты бытия, заполненности реальности тишиной, предельной абстрактности тишины как сущности «между», между молчанием и речью.

2. Тишина приобретает черты характера субъекта, осмысляется по линии психологического восприятия (см. выше значение в словаре эпитетов), однако такие эпитеты интерпретируем согласно теории блендинга. Антропоморфный признак взаимодействует с когнитивным пространством тишины, в результате чего образуется общее ментальное пространство, порождающее блендинговый образ: *Глыб вероломна тишь* (Т. 3. С. 600). Персонификация связывается с наделением тишины способностью говорить, отвечать, производить звуки речи: *Вновь тишина, не ждущая ответа* (Т. 1. С. 76). В связи с этим тишина приобретает антонимичные черты: *Нынче один, завтра другой*. // *Ком. Тишина громкая* (Т. 3. С. 145).

3. Овеществление тишины, являющееся результатом пересечения признаков тишины и признаков, присущих веществам, предметам: *Мимо окон моих — бесстрастный* — // *Ты пройдешь в снеговой тиши* (Т. 1. С. 290); *Державная пажить*, // *Надежная, ржавая тишь* (Там же, с. 298).

Сложная многосоставная эпитетация свойственна творческому почерку М. Цветаевой; в едином эпитетном комплексе содержится сравнение, выступающее сложным признаковым наименованием тишины, которая ассоциируется фонетически и семантически с *пушиной*: *Тишина твоя, Индостан*. // *Как стрелок* // *После зарослей и тревог* // *В пушину* — // *В тишину твою, Индостан* — // *Человек...* (Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. 1996–2004. Т. 3. С. 80).

Отметим наличие окказионализма *тишиизна*, которое употребляет дважды в поэзии М. Цветаевой: *в белую книгу твоих тишиизн*; *недосказанностями тишиизн*, что связано с потребностью образовать слово со значением единичности, чтобы затем поставить его во множественное число.

Обратный процесс, наделение признаком *тихий* объектов реальности, важен для уяснения объемного представления о тишине: учитываются не только признаки — источники метафоризации тишины в аспекте наделения ее теми или иными характеристиками, но также и процесс распространения признака на объекты, с ним ассоциируемые.

Признак *тихий* в значении «слабо звучащий, негромкий» распространяется в поэзии М. Цветаевой на реалии, связанные с источником звука: это *разговор, зов, пение, голос, слова, вздохи, просьба, уста*. Коррелирующим же с тишиной значением выступает значение «погруженный в безмолвие». Объекты эпитетации, употребляющиеся в составе эпитетных комплексов с эпитетом *тихий*, образуются по метонимической логике. Чаще всего тихим оказывается вместилище тех, кто безмолвствует (метонимическая модель «вместилище»): *Память о Вас — тихим домком. // Тихий домок — Ваш — под замком* (Там же. Т. 1. С. 411); *В тихих комнатках* маленькой дачи // *Все как прежде* (Там же, с. 27).

Молчание осмысляется в качестве стихии или природного объекта, подчеркивается его бесконечность, сила воздействия, что вскрывает антонимичность мышления поэта: *Пусть между нами молчанья равнина // И запутанность сложных узлов* (Т. 1. С. 27); *молчанья полный гром* (Т. 3. С. 640). Эпитет *молчаливый* чаще употребляется для передачи жеста молчания, поэтому он имеет метонимическую основу: *молчаливый вопрос*.

В прозаических текстах М. Цветаевой тишина (15 примеров употребления) представляется в качестве отсутствия жизни, актуализируется признак полной тишины, например, как в следующем фрагменте, после громкой работы станка: *Смерть Блока — громовой удар по сердцу; смерть Брюсова — тишина от внезапно остановившегося станка* (Т. 4. С. 59). В данном случае предикация признака призвана ярче подчеркнуть его принадлежность артефактному концептуальному полю.

Эпитетация тишины свидетельствует о различных направлениях признакового осмысления данной сущности и представляет собой ассоциирование данного понятия со временем, качествами человека, воспринимающими ее, а также веществом. Атрибутивная характеристика объекта эпитетации совмещается с предикативным осмыслением, что выявляет более «категоричное» отнесение признака к объекту. Распространение признака на объект, совмещение ментальных пространств признакового слова и предметного слова является непредсказуемым и не ограниченным рамками языкового узуса.

Заключение

Эпитетация как когнитивный процесс имеет блендинговый характер, заключающийся в создании общего, а затем смешанного ментального пространства в рамках эпитетного комплекса, содержащего общие признаки объекта эпитетации и эпитета. В творчестве М. Цветаевой ассоциативная общность признаков является временной, окказиональной, однако необходимой и закономерной в рамках идиостилия, является тотальной, ничем не ограниченной. Метонимическая логика сближения признаков объектов затрагивает как эпитетацию тишины, так и распространение признака *тихий* (отсутствие звучания) на смежные объекты.

Применение теории концептуальной интеграции с целью выявления механизмов образования и направления эпитетации представляется весьма продуктивным при анализе специфики идиостилей и иных писателей.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 382 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–138.

Виноградова С.А. Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 4 (71). С. 30–38. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.4.030>.

Войтехович Р.С. Борьба с ностальгией как поэтический прием в поздней лирике М. Цветаевой // Studia Rossica Posnaniensia, Poznan, 2019. Vol. XLIV. С. 63–72.

Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979. 285 с.

Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9–34. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>.

Громова А.В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М.И. Цветаевой) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 6 (96). С. 46–49.

Грязнова В.М., Губанов С.А. Гиперконцепт качество как механизм вербального представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 185–197. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.1>.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1989. 263 с.

Кучера П. «Мой зов — дальний путь»: Марина Цветаева и поздний Рильке // Opera Slavica. 2017. Vol. 27. № 1. Pp. 15–31.

Ляпон М.В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: ДМЦ, 1998. Т. 2. 552 с.

Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. Т. I. 316 с.

Фадеева Т.М. Сложный эпитет — ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2014.

Шульц С.А. М.И. Цветаева — Ф.И. Тютчев («Silen tium!») — Л.Н. Толстой («Анна Каренина»): к герменевтике соотношения поэзии и слова, индивидуальной и общей жизни // Литературоведческий журнал. 2023. № 4 (62). С. 126–145. <https://doi.org/10.31249/litzhur/2022.62.08>.

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. 185 p.

Sweetser E. Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics. 2000. Vol. 11. № 3/4. Pp. 305–333.

Источники

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/>

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004. Т. 3., кн. 1, 1999. 640 с. Т. 4., кн. 2., 2004. 784 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т.. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.

References

Arnol'd I.V. Stylistics. Modern English language. Moscow, 2002, 382 p. (In Russian)

Arutyunova N.D. Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow, 1988, 338 p. (In Russian)

Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. To the definition of the concept of epithet (preparation for a functional characteristic). *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* = Ecology of language and communicative practice, 2017, no. № 2 (9), pp. 122–138. (In Russian)

Vinogradova S.A. Plasticity of semantics of predicate words slov. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of Tver State University, 2021, iss. 4 (71), pp. 30–38. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2021.4.030>. (In Russian)

Voitekhovich R.S. The Fight Against Nostalgia as a Poetic Device in the Late Lyrics of M. Tsvetaeva. *Studia Rossica Posnaniensia*, Poznan, 2019, vol. 44, pp. 63–72. (In Russian)

Gorbachevich K. S., Khablo E. P. Dictionary of epithets of the Russian literary language. Leningrad, 1979, 285 p. (In Russian).

Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rhema* = Rhema, 2018, iss. 4, pp. 9–34. <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33>. (In Russian).

Gromova A.V. The expressive potential of adjectives in attributive regulative structures epithets type (based on the material of lyrics of M. I. Tsvetaeva). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2010, iss. 6 (96), pp. 46–49. (In Russian)

Gryaznova V. M., Gubanov S. A. Hyperconcept quality as a mechanism of verbal representation of epithetic paradigm in M. Tsvetaeva's works. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* = Humanities and Legal Studies, 2023, vol. 10, iss. 2, pp. 185–197. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.1>. (In Russian)

Zubova L.V. Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect. Leningrad, 1989, 263 p. (In Russian)

Kuchera P. For My Call is Always Full of Away: Marina Cvetaeva and the Late Rilke. *Opera Slavica*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 15–31. (In Russian)

Lyapon M.V. *Prose of Tsvetaeva*. Experience of reconstruction of the author's speech portrait. Moscow, 2010, 528 p. (In Russian)

Revzina O.G. Occasional word in poetic language. *Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy: в 4 t.* = Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva, in 4 vols. Moscow, 1998, vol. 2.

Revzina O.G. Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva in 4 vols, Moscow, 1996, vol. 1, 316 p. (In Russian)

Fadeeva T.M. A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language. Thesis of Doct. Philol. Diss. Moscow, 2014. (In Russian)

Shul'ts S.A. M.I. Tsvetaeva — F.I. Tyutchev (Silentium!) — L.N. Tolstoy (Anna Karenina): Towards the Hermeneutics of the Relationship Between Poetry and Word, Individual and Common Life. *Literaturovedcheskii zhurnal* = The Journal of Literary History and Theory, 2023, no. 4 (62), pp. 305–333. Retrieved from: <https://doi.org/10.31249/litzhur/2022.62.08> (In Russian)

Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language, Cambridge University Press, 1994, 185 p.

Sweetser E. Blended spaces and performativity. *Cognitive linguistics*, 2000, vol. 11, no. 305–333.

List of Sources

Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva in 4 vols, Moscow, 1996–2004, vol. 3, iss. 1, vol. 4, iss. 2, 784 p. (In Russian)

National Corpus of the Russian Language (NCRY). Retrieved from: <https://ruscorpora.ru/>. (In Russian)

Tsvetaeva M.I. *Collected works*: in 7 Moscow, 1994–1997. (In Russian)